

Затяжной стимпанк, или Длинные истории заводских труб

Мысли по прочтении книги Алексея Иванова «Горнозаводская цивилизация»

Владимир Ивашкевич

КОЛЛАЖ АВТОРА. ЦИТИРУЕТСЯ КАРТИНА В. ВОЙТЕХОВИЧА (ГЕРМАНИЯ)

На первый взгляд, известный промоутер уральской региональной идентичности продолжает углублять тему, заявленную в «Хребте России». Внешне оба тома выглядят как родные братья. Но это братья от разных отцов: «Хребет» выпущен на деньги в основном пермского происхождения, а «Цивилизация» — заказ свердловских властей. И поэтому создателю «уральской матрицы» пришлось перезагрузить прежний набор «геофайлов». Монолитный Уральский хребет теперь фрагментирован на левый, и, разумеется, правый. Со всей многосмысленностью.

Изгнание Матрицы

Термин «Матрица» был так важен для автора «Хребта Урала», что регулярно выделяется в тексте жирным шрифтом. Как и несколько других принципиальных терминов.

Уральская Матрица — это набор «характерных способов существования», местные правила жизни и производственный уклад. Вроде бы само уральское бытие. Но Матрица — нечто внешнее, насилиственное, враждебное. Она постоянно «форматирует» человеческую душу (и светлую, и злую), удерживая в рамках полу военного способа производства. И вновь возникает на следующем историческом этапе.

Коротко говоря, ивановская «Матрица» — это несвобода. И высшая уральская доблесть заключается в том, чтобы

принять несвободу, преображаясь через это в Мастера (ещё один выделяемый шрифтом термин). Мастер службы государству — бывший вольный казак Ермак, мастера службы вере — броядящие Стефан Пермский, Симеон Верхоторский, Трифон Вятский, мастера службы делу — самодостаточные Аника Строганов, Бабинов, Ремезов... И так далее по длинному списку.

Герои — это те, кто признаёт Матрицу. Если понимать её в значении структуры, «вертикали», державности и даже всеобщей машины.

В новом «идентибуке» Иванова про Матрицу уже не говорится ничего. Не только потому, что мода на слово прошла. Оказалось довольно просто подобрать неблагозвучные синонимы: «зона», «шарашка», «закрытый город», наконец... Нехорошо, ведь заказчик —

Министерство туризма Свердловской области.

В обеих «иденти-книгах» главным уральским героем назван Ермак. Ведь благодаря ему Урал из полурусской окраины стал срединным хребтом России. «Демиург, создатель Урала». Пара-докс в том, что Ермак создавал вовсе не Урал, а русское пространство за ним.

В книге «Уральская цивилизация» Ермак упоминается семь раз — наравне со словами «недра» и «металл». То есть он уже как бы «геофайл», а не герой. Предание старины глубокой, вроде богатыря Полюда.

Новые уральские герои — Татищев, бароны Строгановы (по 12 упоминаний), Демидов (14 упоминаний), собирательный образ «инженера» (17 упоминаний) и, конечно, главное обиталище инженеров — Екатеринбург (20 упоминаний в основном тексте и пять подписей под фото).

Песня о Старом и Песня о Главном

Итак, не Матрица, а Цивилизация. То есть культура. Не варварство. Перводорная уральская форма теперь лишь предыстория, вместе со своими доисторическими героями-титанами (Ермак, Стефан, Аника и проч). Загадочные чудесные племена, неведомая Биармия, туманное княжество Пермь Великая и исчезнувшие под водой первые строгановские города — словом, весь эксклюзив «левостороннего Урала» — перемещены в разряд не особо актуальных сведений.

Великий камский северный торговый путь, пушнина и сасанидское серебро взамен — для цивилизации всё это эпоха охотников и собирателей, людей в шкурах. Начало же подлинной истории Урала «цивилизация» велит считать с появления людей в париках и камзолах.

С основания державных горных заводов. И материальный региональный культуролог, как Михалков-старший, пишет новые слова к гимну уральской самобытности. Слова-ноты. Потому что в результате получаются совершенно разные песни. Казачья «Моя буйна голова» превращается в «Ту заводскую проходную».

По частоте употребления ключевых терминов в тексте книги семь нот «Хребта Урала» таковы: мастер, неволя, фарт, ресурс, милость государя, «держава в державе» и «выбор неволи». Четыре раза неволя (считая царскую милость) и двойное коварство судьбы (фарт, ресурс). За какие грехи тут бедолага-мастер? «Замучен тяжёлой неволей, ты славною смертью почил».

А вот семь главных нот в варианте «Горнозаводская цивилизация»: Екатеринбург, заводской пруд, мастер, власть, самоцветы, рудник, инженер.

Опять — герой-работяга, но уже гармонично встроенный в производственную схему: мудрый начальник, рабочее место, предмет добычи, главный заказчик. «И в забой направился парень молодой». Причём мастеру предшествуют символы цивилизации: каменный град и искусственный водоём. Антитезы лесу и большой реке.

Если же сдвинуть октаву, то второй нотный ряд звучит совершенно в унисон с первым: мастер = мастер, власть = неволя, фарт = самоцветы, рудник = ресурс, инженер = «государев посланник», пруд = выбор (прикрепление к месту). И наконец, главное: держава в державе = Екатеринбург.

Фартовый город

Время людей в камзолах тоже перешло в раздел «седой старины». На авансцену вышли люди в сюртуках. Те, в свою очередь, были сметены людьми в косоворотках и военных френчах. Потом были люди в генеральских мундирах, в цивильных костюмах и даже в джинсах и гавайских рубашках. Но во всех версиях истории Екатеринбурга неизменно везло. Прямо-таки чертовски.

При выборе места для нового завода на Исети Татищев увидел сначала хороший лес в «ничейной» местности. Но оказалось, что это здесь ещё и лучший перевал через Урал. Будущий завод с ходу превращается в стратегический пункт и узловую точку Сибирского тракта. Счастливая близость к плодородным нивам Шадринска и челябинским гуртам скота, изобилие строительного камня и всевозможных горных богатств...

Открытие в нескольких верстах богатого золотого месторождения было уже перебором, но фарт всё продолжался и продолжался. Горное правление, гранильная фабрика и монетный двор, крупный военный гарнизон и квалифицированные инженеры. Всё это становилось драйверами роста и рычагами влияния в правительственные кабинетах.

Рухнула империя подневольного труда — на смену горным генералам пришли мучные, салотопенные и водочные короли. А затем началась лихорадка железнодорожного строительства, и опять все дороги ведут через Екатеринбург.

В 1905-м красные флаги вскользьнули Пермь и Мотовилиху, а в Екатеринбурге прошёл черносотенный погром. Однако по итогам революции буржуазный космополит Екатеринбург превращается в большевистскую столицу Урала. Грех расстрела императорской семьи через десятилетия обернётся прибыльным туристическим ресурсом.